

## ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СТАРОБЕЛОРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Е. З. МАРЧЕНКО

Вопрос о словарном составе старобелорусского литературного языка еще недостаточно изучен и остается актуальным для белорусского языкознания.

Данная статья связана с вопросом формирования словарного состава старобелорусского литературного языка. В ней рассматривается часть лексики, появившейся в старобелорусском языке в период раздельного существования восточнославянских языков.

История белорусского языка начинается с общерусского периода. Ф. П. Филин пишет: „На базе распавшегося древнерусского языка в 15–17 вв. складываются языки близкородственных восточнославянских народностей. Дифференциальные признаки этих языков были диалектными по отношению к их древнерусской основе и друг к другу. Эти диалектизмы восточнославянской языковой области состояли из инноваций и неравномерного сохранения или утраты особенностей древнерусского языка. В украинском и белорусском языках (в создании их отличий от русского языка) известную роль сыграли полонизмы, в особенности в лексике. В общем, диалектная дифференциация этих языков оказалась относительно незначительной, и все же вследствие исторической специфики восточного славянства этого времени ее было достаточно, чтобы диалектные группы стали самостоятельными языками“<sup>1</sup>.

В истории белорусского литературного языка, возникшего в результате распада древнерусского языка, различают два периода: старый и новый, граница между которыми проходит через 18 в. „Соответственно этому, — указывает Л. М. Шакун, — и принято говорить о старобелорусском литературном языке, который относится к эпохе развития белорусской народности, и о новом, или национальном, белорусском литературном языке, который обыкновенно называется современным белорусским литературным языком и относится к эпохе формирования и развития белорусской нации, сначала, до Великой Октябрьской социалистической революции, как нации буржуазной, затем, в советское время, как нации социалистической“<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ф. П. Филин, К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка, Сб. „Вопросы образования восточнославянских национальных языков“, М., 1962, стр. 27.

<sup>2</sup> Л. М. Шакун, Образование белорусского национального литературного языка, Сб. „Вопросы образования восточнославянских национальных языков“, М., 1962, стр. 119.

Старобелорусский литературный язык развивался из древнерусского языка, сохраняя в сильной мере общерусские традиции, в то же время отражая в письменности процессы, протекающие в живой речи формирующейся белорусской народности. Об этом свидетельствуют работы, в которых исследуется язык старобелорусских памятников<sup>3</sup>.

Данные наблюдения основаны на анализе бытовой лексики в старобелорусских памятниках деловой письменности 15—16 вв. Анализу подвергнут широкий круг слов (названия оград, жилища, хозяйственных построек и их составных частей, названия мебели и домашней утвари, названия одежды, головных уборов, обуви, украшений и драгоценностей, названия тканей и других предметов, имеющих отношение к одежде). Делается попытка путем сравнения с указанной лексикой древнерусского языка выделить ту лексику, которая отличает язык старобелорусских памятников от древнерусского языка.

Как показал анализ, рассматриваемая лексика в старобелорусских памятниках восходит к древнерусскому языку. Большая часть слов была известна в древнерусском языке. Слова выступают в основном в тех же значениях и в той же морфологической форме, что и в древнерусском языке.

Однако в памятниках старобелорусской деловой письменности имеются и такие лексические черты, которые возникали в процессе формирования языка белорусской народности. Некоторые слова, известные с общерусского периода, выступают в старобелорусских памятниках в другом значении. Отдельные слова в старобелорусских памятниках и в древнерусском языке различны по характеру образовательных средств. Наблюдается употребление и совсем новых слов, появившихся в старобелорусском языке уже в период самостоятельной жизни.

Всю бытовую лексику, которая составляет отличие языка старобелорусских памятников от языка древнерусского, по происхождению можно разделить на три группы.

1. Общеславянские и восточнославянские слова, употребляемые в изучаемых памятниках в ином значении, чем они были известны в древнерусском языке (такими могут быть и ранние общеславянские и восточнославянские заимствования).

В старобелорусских памятниках часто встречается слово КОМОРА, обозначающее место сбора пошлин (...товары лесные пропущати через *коморы* свои господарьские. АВАК, 3, 54, 1554 г.<sup>4</sup>). В таком значении данное слово не употреблялось в древнерусском языке. Древнерусскому языку оно

<sup>3</sup> Ф. С. Попков, Исследование о лексике западно-русских грамот 13—15 вв., Канд. диссерт., Л., 1947, стр. 123, 139; Ю. Ф. Мацкевич, Литовский Статут 1529 г. как памятник белорусского литературного языка 15 и начала 16 столет., Канд. диссерт. (на бел. яз.), Минск, 1946, стр. 225—226; В. Ф. Кривчик, Словарный состав белорусских переводных повестей второй половины 16 в., Канд. диссерт., М., 1952, стр. 303 и др.

<sup>4</sup> Орфография, принятая в использованных изданиях, в основном сохраняется. Упрощено написание следующих букв: ѳ — заменена буквой Ф, ѿ — буквой Е. Первое число, следующее за сокращением источника, обозначает том, второе — страницу. В актах Литовской Метрики (АЛМ) первое число обозначает выпуск.

было известно, но в другом значении: свод, жилое помещение (Срезн., I, 1264; Коч., 150).

В значении мытницы выступает сочетание *комора мытная* (... на *коморе мытной* Берестейской, не беручи мыта новоподвышного, добровольне пропузоно... Арх. сб., 4, 260, 1583 г.). Место сбора соляных пошлин обозначается сочетанием *комора соляная* (Казали есмо мытнику и его товаришомъ *коморы* наши справити *соленые* за свои пенязи въ местехъ нашихъ. АЛМ, 2, 68, 1500 г.).

О том, что *соляными коморами* назывались места сбора соляных пошлин, имеются сведения у М. К. Любавского<sup>5</sup>. *Соляными коморами* назывались не только мытницы, но и склады соли, предназначенные для торгового оборота, как указывает Ф. И. Леонтович<sup>6</sup>.

Второстепенная таможня, подчиненная главной — *коморе*, носила название ПРИКОМОРОК (... абы всюды, где бы потреба указала, *прикоморковъ* для мыта не боронено. АВАК, 3, 20, 1589 г.). Такого образования древнерусский язык также не знал.

Торговая лавка в исследуемых памятниках обозначается словом КЛЕТКА (... поставити мають ратушу на местце годномъ, подъ которымъ будутъ мети крамницу и ятки, то есть *клетки* хлебовые и комору... АЗР, I, 181, 1498 г.). В этом значении слово *клетка* не было свойственно древнерусскому языку. И. И. Срезневским *клетка* в указанном значении отмечено только в памятнике западного происхождения (Привилей месту Полоцкому 1498 г.).

В значении хозяйственной постройки выступает слово ГРИДНЯ (... *гридня*, што в ней мелют... Ист. арх., 1, 152, 1562 г.; *гриденка* старая до росолов одна. Там же, 383, 1595 г.). В древнерусском языке *гридня*, *гридница* обозначали большой покой для собрания, отмечаются под 996 г. (Срезн., I, 592). *Гриdney*, *гридницей* называлось строение при дворце княжеском для *гридей*. *Гридня*, *гридница* — производные от слова *гридь* — воин, дружинник, проникшего в древнюю Русь от норманнов — древних шведов и норвежцев в древние времена, когда в жизни восточного славянства известную роль играли варяги. В культурном отношении варяги-норманны не были выше восточных славян и не могли оказать сильного влияния. С того времени осталось незначительное количество норманнских слов, как *гридь* и некоторые другие. Как указывает П. Я. Черных<sup>7</sup>, они почти все вышли из употребления к концу древнерусской эпохи. В *гриднях*, *гридницах* древние князья устраивали пиры, приемы (ср. в свадебных песнях: „Он (князь) по светлой *гридне* похаживает, на свет-княгиню поглядывает“). У А. С. Пушкина: „С друзьями в *гриднице* высокой Владимир-солнце пировал“). В сибирских говорах и сейчас *гриdney* называется комната, в которой празднуется свадьба (Оп., 42).

<sup>5</sup> М. К. Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Литовского Статута, М., 1892, стр. 515.

<sup>6</sup> Ф. И. Леонтович, Один из вопросов западно-русской старины, Варш. унив. изв., 1896, 6, стр. 66.

<sup>7</sup> П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 298.

Слово СТЕНА, кроме значений, известных с общерусского периода, имеет в исследуемых памятниках и значение межи, границы (...которая иде до села Осташи и через дорогу до *стены*, которая делить зъ кгрунтами того ж села Осташи... АВАК, 32, 413, 1596 г.). Древнерусский язык не знал слова *стена* в таком значении. Очевидно, в этом значении оно является калькой с литовск. *siena* — граница, межа. *Сценка, сцяна* — межа — употребляются и в современном белорусском языке (БРС, 905; Шат., 274).

Не было известно в древнерусском языке слово ГОРА в значении чердака, что находим в старобелорусских памятниках (...въ томъ дому на горе схованье. АВАК, 14, 415, 1592 г.).

Не знал древнерусский язык слова БАНЯ в значении „сосуд“, характерном для старобелорусских памятников. В этом значении данное слово свойственно западнославянским языкам: польск. *bania*, чешск. *bane* (Славск., I, 26). По поводу слова *баня* Ф. П. Филин<sup>8</sup> высказывает следующее предположение: возможно, слово *баня*, связанное с понятием о мытье, и слово *баня* в других значениях (и в отмеченном нами) этимологически различные слова, поскольку видимая семантическая связь, если не прибегать к натяжкам, отсутствует. Может быть, указывает Ф. П. Филин, имели место самостоятельные заимствования: в западнославянскую зону (из народной латыни) и в юго-восточную (непосредственно из греческого).

Слово СКОБЕЛЬ в значении плотничьего инструмента является общеславянским. В старобелорусских памятниках оно выступает еще и в значении пробоя (...у вежы дvery вырубаны и *скобель* выламаный... АВАК, 26, 166, 1586 г.), не свойственном древнерусскому языку. В значении пробоя слово *скобель* отмечается в украинском (Гринч., 2, 648), а также в польском *skobel* (Брюкн., 494) языках. В современных белорусских говорах в значении пробоя известно *скобла* (Карт. БГУ).

Таким образом, в рассмотренной группе встречаются слова по своей форме общеславянские или восточнославянские, а по содержанию — нет. Это связано с тем, что в слове развивается вторичное значение. Например, слово *скобель* в значении плотничьего инструмента — общеславянское, в значении пробоя его знают только белорусский, украинский и польский языки. Общеславянское *гора* в значении чердака является белорусским словом и т.д.

II. Новообразования, исходной базой которых был общеславянский и восточнославянский лексический фонд.

К этой группе относим слова, которые в старобелорусских памятниках и в древнерусском языке различны по характеру образовательных средств, а также слова, отсутствовавшие в древнерусском языке, но образованные от восточнославянских или общеславянских корней.

В старобелорусских памятниках употребляется слово НАЛИВАЧ (...нижли дей яко пришошь до ихъ, ино вжо засталъ, ижъ вжо Панасъ Орину *наливачомъ* бьетъ и бьючи ее *наливач* зламалъ... АВАК, 17, 322, 1541—42 гг.). В древнерусском языке было известно слово с другим суффиксальным производным *наливѣка* — ковш (Срезн., 2, 295). Оба слова — *наливач* и *наливка* — образованы от *наливать*.

<sup>8</sup> Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962, стр. 215.

При перечислении наименований предметов домашнего обихода встречаются в исследуемых памятниках слова ПОЛЮНИК, ОПОЛЮНИК (Згинуло дей на его следу шесть мисъ цыновыхъ и два *ополоники* железныхъ... АВАК, 17, 23, 1538 г.; при тыхъ выписохъ былъ... *полоник* железный... АВАК, 22, 74, 1556 г.). В древнерусском языке были известны слова *упольникъ*, *уполовѣникъ* — ковш на длинной рукоятке (Срезн., 3, 1241).

Лукошко, из которого рассыпают зерно по полю, называется в старобелорусских памятниках СЕВНЯ, СЕВАЛЬНЯ (Привель перед мене... Стаса Солѣника съ пшеницею съ *севнею*... АВАК, 17, 300, 1541—42 гг.; ..сееня жита на *севальню*... АВАК, 26, 139, 1585 г.). В древнерусском языке не было таких слов. И. И. Срезневским (3, 886) отмечено *севъ* — мера сыпучих тел. От него и произведены указанные белорусские слова. Слово *сѣўня* — лукошко, из которого рассыпают зерно, — известно в современном белорусском общенародном языке (Шат., 274). В русском языке в подобном значении употребляются (как обл.) слова с другими суффиксами: *севалка*, *севальник* (Даль, 4, 379; ССРЛЯ, 13, 553).

Новообразованием является слово КУЗНЯ (При томъ же броваре *кузня*, драницами крытая, в которой начинье ковалское: мехи, наковальня, молотов великихъ тры а малыхъ два. Ист. арх., 1, 242, 1585 г.). В древнерусском языке употреблялось слово *кузница* (Срезн., 1, 1359). Слово *кузня* свойственно современному белорусскому языку. С таким же суффиксальным производным известно оно в украинском (*кузня*) и польском (*kuźnia*) языках. В других славянских языках это слово образовано при помощи других суффиксов и от другого вида корня: болг., сербх. *ковачница*, чешск. *kovarna*.

Слово ПОДЫМЬЕ употребляется в изучаемых памятниках наряду с известным с общерусской эпохи словом *дым* — двор, дом, от которого оно и образовано. *Подымьями* назывались на территории Западной Руси крестьянские дворы<sup>9</sup>. Слово *подымье* не было характерным для древнерусского языка. Оно не зафиксировано ни И. И. Срезневским, ни А. Дювернуа. Г. Е. Кочин отмечает его только в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Подать, взимавшаяся с единицы обложения *подымья*, называется в памятниках ПОДЫМНОЕ. Подать с *дыма*, *подымья* в Западной Руси существовала до 1768 г.<sup>10</sup>

Пристройка к гумну обозначается в старобелорусских памятниках не свойственным древнерусскому языку словом ТОКОВНЯ (Гумно жердями обгорожено, въ немъ пунька малая... осети две, межи ними *токовня* съ покрытьем... Арх. сб., 4, 301, 1593 г.). Образовано оно от общесл. *ток* (др.-русск. *токъ*, старосл. *токъ*, русск., бел., укр. *ток*, болг. *ток*, сербх. *тѣк*, словац. *tok*, польск. *tok*). В указанном значении слово *такоўня* известно и в современном белорусском общенародном языке (Мат. АН БССР).

На западной территории возникло слово ПОВЕТЬ, восходящее к *вєать*. Это слово обозначает хозяйственную постройку и встречается в старобело-

<sup>9</sup> Ф. И. Леонтович, Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве, Журн. Мин. Нар. Просв., 1896, февраль, стр. 350.

<sup>10</sup> Ф. И. Леонтович, К истории административного строя Литовского государства, Варш. унив. изв., 1899, 4, стр. 44.

русских памятниках значительно раньше (в памятниках начала 16 ст.), оно засвидетельствовано в Картотеке древнерусского словаря (в памяти конца 16 в.). Это позволяет полагать, что слово *поветь* проникло из белорусского языка в русские говоры, где и получило затем широкое распространение. Его знают орловские, воронежские, новгородские, смоленские, вятские и архангельские говоры.

Производным от общеславянского *окно* является слово **ОКОННИЦА** ставень (дверы на завесах и *оконницы* також на завесах. Ист. арх., 1, 2, 1585 г.; и *оконницы* од чотырох оконъ у тое жъ светлицы взяты... АВАК, 36, 244, 1582 г.). В древнерусском языке данное слово не засвидетельствовано. В словарях русского языка слово *оконница* отмечается только с 1880 г. Сейчас известно как областное слово (ССРЛЯ, 8, 800). В указанном значении его знают следующие славянские языки: белорусск. *аканіца*, укр. *віконниця*, чешск. *okenice*, польск. *okiennica*.

Следует отметить, что в старобелорусских памятниках имеется ряд слов, возникновение которых в белорусском языке, может быть, связано с воздействием западнославянских языков, в частности, польского языка. Возможно также, что они появились в белорусском языке и независимо от них, так как в основе их лежат восточнославянские и общеславянские корни. Общеславянские слова могли появиться в этих языках и независимо друг от друга. „При общности живых и продуктивных моделей словообразования на основе общеславянского фонда слов и морфем, — пишет В. В. Виноградов, — в истории отдельных славянских языков возникают целиком однородные слова и разряды слов“<sup>21</sup>. Не могли не сказаться и тесные связи белорусского, украинского и польского народов, на протяжении долгого времени находившихся в одном государстве.

Отсутствие надежных лексикографических источников не позволяет строго разграничить по происхождению такие слова. Так, в старобелорусских памятниках наряду со словом *конюшня* употребляется **СТАЙНЯ** в том же значении (...з *стайни* коня шерстью рыжого выкрали... АВАК, 26, 48, 1586 г.). В древнерусском языке *стайня* не было известно, но было известно в нескольких значениях (в том числе и в значении хлева) слово *стая* (Срезанский, 3, 508). *Стайня* — производное от общеслав. *стая* (др.-русс. *стая* — хлев, сербх. *stāja* — хлев, чешск. *staj* — конюшня). Слово *стайня* — конюшня свойственно белорусскому, украинскому, польскому (*stajnia*), словацкому (*stajňa*) языкам. Для русского литературного языка оно не характерно, но в говорах известно это слово и другие однокоренные слова: в новгородских и псковских говорах *стайня* обозначает овин; в вятских, пермских, владимирских, оренбургских говорах известны *стая*, *стайка* — хлев.

III. Заимствованные слова. В лексике старобелорусских памятников имеются заимствования 2-х пластов: 1) древние заимствования (известные с древнерусского периода) и 2) заимствования эпохи раздельной жизни восточнославянских языков. Мы рассматриваем вторую группу заимствований.

<sup>21</sup> В. В. Виноградов, Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков, Научный бюллетень ЛГУ, № 11—12, 1946, стр. 28.

Займствованиа наблюдаются из различных языков. Из литовского языка пришли в основном наименования построек: *евья, клуня, клоим, ном* (дом), *пиркойта* (изба), *примен, свирен*. Из польского языка проникли: *мешкане* (квартира), *страдайтка* (наименование одежды), *бекешка, злотоглав* (название ткани), *простирадло* и др.

Самую большую группу займствований составляют германизмы. Здесь можно отметить названия построек: *кзмах, фольварок, бровар, спижарня, шопа, крама, шпихлер*; наименования частей построек: *ганок, дах, рина, рура* (водосточная труба), *фортка, шибя*; наименования мебели и предметов домашнего обихода: *шафа, лихтар, бритвана* (противень), *куфель, келих, фляша, штоф* (сосуд), *фаса* и др.

Среди наименований одежды, тканей, головных уборов, украшений и драгоценностей и других предметов, имеющих отношение к одежде, немецкими по происхождению являются: *футро, плюдры, индерак, гальзбан* (колье), *закель, кнафля, шляг* (кайма), *рантух* (женский головной убор), *ковнер, панчоха, баволна, колтрыш* (название сукна), *цвилух* (наименование полотна), *чамлет, колдра* и др.

Проникновение германизмов происходило большей частью через посредничество польского языка, так как среди них почти нет таких слов, которые не были бы уже засвидетельствованы в польском языке того времени.

Через посредничество польского языка происходили займствования и из других языков. Таким путем проник ряд слов в старобелорусский язык из романских языков: из итальянского языка — *барилка* (бочонок), *палац, крата* (решетка), *капелюш* (головной убор), *манеле* (наименование ювелирного украшения), *сынет*; из французского языка — *мулы* (дамские туфли), *камизеля, пательня*; из испанского языка — *форботы* (кружева).

Через посредничество польского языка было займствовано слово *макгерка* из венгерского языка, а также, очевидно, *хуста, хустка* — из румынского языка.

Таким образом, польский язык сыграл значительную роль в передаче чужеземных слов в старобелорусский язык.

Часть указанных займствований стала известна и в русском языке, но значительно позже, чем они засвидетельствованы в старобелорусских памятниках. Так, например, значительно раньше появились в старобелорусском языке следующие слова немецкого происхождения: *кухня* (в русском языке известно с 18 в., в старобелорусских памятниках встречается с 16 в.), *шнур* (в русских словарях отмечается с 17 ст., в старобелорусском языке известно с начала 16 в.), *клеянты* (в русском языке фиксируется с 17 ст., в старобелорусском — с 16 в.), *брыжики* — оборки (в русском языке отмечается с 18 ст., в старобелорусском — с 16 в.). Значительно раньше отмечаются в старобелорусском языке следующие займствования из романских языков: *палац* — из ит. яз. (в русском языке известно с 18 ст., в старобелорусском — с 16 в.), *буфы* — из франц. яз. (в русских словарях фиксируется только с 19 в., в старобелорусском — с 16 в.), *бирет* — из франц. яз. (в русском языке известно с 18 в., в старобелорусском — с 16 в.).

Из турецкого языка проникло слово *тегиляй* (встречается в старобелорусских памятниках начала 16 в. — 1522 г., И. И. Срезневским отмечено только в памятнике конца 16 в. — 1582 г.). Слово *чижмы* (наименование обуви) также проникло из турецкого языка через посредничество венгерского (в старобелорусском языке было известно в 16 в., в русском языке появилось только в 17 ст.). Намного раньше появились в старобелорусском языке слова *тафта* (в старобелорусском языке отмечается с 15 в., И. И. Срезневским оно отмечено в памятнике конца 16 в.), *кухтер* — наименование ткани (в старобелорусском языке фиксируется с 16 в., в русском языке появилось только в 17 в.). Обе указанные лексемы заимствованы из персидского языка. То же самое можно сказать и о ряде других заимствований.

Возможно, старобелорусский язык сыграл роль посредника при проникновении отдельных заимствованных слов в русский язык.

Таковы 3 группы новых слов в старобелорусских памятниках, рассмотренных с точки зрения их происхождения.

Некоторые новые слова не передавали каких-нибудь новых значений в старобелорусском языке, а выступали в качестве синонимов к словам, известным с древнерусского периода.

В синонимичном значении употребляются, например, слова *брама* и *ворота*. Но *брамой* обозначаются большие въездные монастырские, городские и крепостные ворота. Обычный же проезд, запираемый створками, называется *воротами*. Отсюда и соответствующие сочетания со словом *ворота*: *ворота домовые*, *ворота дворные*, *ворота гуменные*; сочетания со словом *брама*: *брамы замковые*, *брамы местские*. В актах, касающихся г. Вильны (т. 20), встречаются названия городских ворот: *Зарецкая брама*, *Татарская брама*, *Острая брама*, *Завелейская брама*.

Чаще всего новые слова в старобелорусских памятниках и слова, известные с древнерусского периода, выступают синонимами-дублетами: *стайня* — *конюшня*, *склеп* — *погреб*, *перла* — *жемчуг*, *хуста* — *платок*, *панчоха* — *чулок*, *колдра* — *одеяло*, *пательня* — *сковорода* и др.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko universitetas  
Rusų kalbos katedra

Iteikta  
1968 m. rugsėjo mėn.

#### СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВАК — Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, тт. 1—39, Вильна, 1865—1915.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, тт. 1—3, Спб., 1846—1848.
- АЛМ — Акты Литовской Метрики, т. I, вып. 1—2, Варшава, 1896—1897.
- Арх. сб. — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.
- Гринч. — Б. Д. Грінченко, Словарь української мови, тт. 1—2, Київ, 1909.
- Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4, Госиздат иностранных и национальных словарей, М., 1955.
- Карт. БГУ — Картотека областного словаря, хранящаяся на кафедре белорусского языка Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина.

- Коч. — Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, изд. АН СССР, М.—Л., 1937.
- Мат. АН БССР — Материалы диалектологических экспедиций, хранящиеся в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР.
- Оп. — Опыт областного великорусского словаря, изд. 2-м отд. Имп. Акад. наук, СПб., 1852.
- Срезн. — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, тт. 1—3, СПб., 1893—1903.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, АН СССР, тт. 1—17, М.—Л., 1948—1965.
- Шат. — М. В. Шатэрнік, Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны, Мінск, 1929.
- Ист. арх. — Istorijos archyvas, t. 1, 16 amžiaus Lietuvos inventoriai, surinko K. Jablonskis, Kaunas, 1934.
- Брюкн. — А. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1927.
- Славск. — F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, t. 1, Kraków, 1952—1956.

## SENOSIOS BALTARUSIŲ KALBOS PAMINKLŲ TARNYBINIŲ RAŠTŲ LEKSIKOS YPATYBĖS

E. MARČENKO

### Reziümė

Straipsnyje nagrinėjamas senosios baltarusių literatūrinės kalbos žodyninės sudėties raidos klausimas, t. y. buitinė leksika, atsiradusi senojoje baltarusių kalboje 15—16 a., kai rytų slavų kalbos egzistavo atskirai. Lyginant ją su senosios rusų kalbos leksika, straipsnyje bandoma išskirti tuos žodžius, kurie būdingi tik senosios baltarusių kalbos paminklams.

Visą buitinę leksiką, kuri skiria senosios baltarusių raštijos paminklų kalbą nuo senosios rusų kalbos, kilmės atžvilgiu galima suskirstyti į tris grupes:

I. Bendrosios slavų kalbos ir rytų slavų kalbų žodžiai, aptinkami nagrinėjamuose paminkluose kita reikšme, negu jie vartojami senojoje rusų kalboje.

II. Nauji vediniai, padaryti iš bendrosios slavų ir rytų slavų kalbų žodžių.

III. Skoliniai.